

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕЕ ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
(на материале эпоса «Джангар»)**

Общеизвестно, что развитие калмыцкого языка на всем протяжении его истории осуществлялось, как правило, двумя путями: за счет имеющихся в языке собственных ресурсов (например, словообразовательных), а также путем заимствования языковых средств из других языков. Слово *заимствование*, как известно, имеет два значения: это, с одной стороны, элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой, а, с другой, и сам процесс перехода элементов одного языка в другой.

Наиболее частый и типичный вид языкового заимствования — это заимствование слов, или лексическое заимствование. Лексические заимствования — один из способов пополнения словарного состава языка. Лексика всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Основной причиной заимствования иноязычной лексики считается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

Интерес к проблеме заимствования сформировался в лингвистике в русле социолингвистических и психолингвистических исследований. В работах последних лет заимствование рассматривается как одно из важных последствий взаимодействия культур, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей.

Э. Сепир по этому поводу писал, что «когда есть налицо культурное заимствование — есть налицо основание ожидать соответствующего заимствования слов... Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов» [Сепир 1934: 152].

Изучение заимствованной лексики интересно тем, что каждое слово, входящее в состав этого лексического пласта, непосредственно связано с историей предмета, явления или понятия, им обозначенным. В связи с этим важно привлекать накопленный богатый фольклорный, исторический, археологический и этнографический материал.

Хотя монгольские языки начали изучаться в генетическом плане довольно давно, основное внимание исследователей привлекали главным образом фонетика и морфология. Лексика привлекалась в основном для установления фонетических соответствий между словами алтайских языков. Поэтому лексический состав монгольских языков, в том числе и калмыцкого, пока еще слабо изучен в интересующем нас ракурсе.

Остаются актуальными такие вопросы, как дефиниция заимствования; особенности процесса проникновения заимствованной лексики в калмыцкий язык; специфика функционирования слов иноязычного происхождения в фольклорном произведении; способы их адаптации в языке-рецепторе; причины лексических заимствований; их тематическая классификация.

Лексика современного калмыцкого языка неоднородна с точки зрения её происхождения. Калмыкам, как и их предкам, ойратам, на протяжении всей своей истории приходилось вступать в политические, экономические, торговые, языковые, культурные, религиозные и иные связи с другими народами, этносами, этническими группами. В результате подобных разносторонних контактов калмыцкая лексика пополнялась иноязычными заимствованиями.

Изучая заимствования, важно рассматривать их с точки зрения социально-исторических факторов, в том числе и с учетом ситуации заимствования. Различие условий заимствования проявляется,

прежде всего, в том, каким путем осуществляется заимствование: устным или посредством письменности.

На ранних этапах слова из других языков попадали устным путем, но после создания в 1648 г. знаменитым ойратским просветителем и буддийским деятелем Зая-пандитой Намкай Джамцо «тодо бичиг» в результате переводческой деятельности (причем переводилась не только религиозная, но и светская литература) большая часть слов иностранного происхождения (в основном, санскритизмы) попала в ойратский (калмыцкий) язык письменным путем и оказала огромное влияние на процесс складывания современного калмыцкого литературного языка.

В новых исторических условиях калмыцкий язык функционировал в иноэтническом и иноязычном (преимущественно русскоязычном и тюркоязычном) окружении, что не могло не отразиться на дальнейшем развитии его словарного состава. Первоначально новые слова проникали устным путем, а затем в результате постепенной адаптации к фонетическим, семантическим, грамматическим законам калмыцкого языка, оформлялись в письменном варианте.

Время проникновения тех или других заимствований установить довольно трудно. Причины появления лексического заимствования носят как внешний, экстралингвистический характер, так и внутренний, собственно языковой. Заимствование является естественным и закономерным процессом, сопровождающим языковые контакты. Первый случай можно рассматривать как следствие тесных культурно-исторических, политических, торгово-экономических связей между народами — носителями языков, когда заимствование слова было обусловлено заимствованием вещи или понятия. Так, напр., санскритизмы и тибетизмы, встречающиеся в эпическом тексте, обозначают в основном буддийские реалии.

Необходимость специализации наименований связана с внутриязыковой потребностью дифференциации семантики синонимичных языковых средств. В результате этой тенденции значение, выражаемое калмыцким словом, может «расщепиться» на два, и тогда одно из них получает иноязычную номинацию. Другая вну-

триязыковая причина заимствований — тенденция к замене описательных наименований однословными.

Процесс адаптации заимствований сопряжен со многими трудностями и характеризуется степенью усвоения заимствующим языком. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как чуждые, инородные вкрапления для данного языка. Затем происходит фонетическая, грамматическая и лексико-семантическая стабилизация слов в зависимости от закономерностей, правил орфографии и орфоэпии языка-реципиента.

В отношении калмыцкого эпического текста подобные исследования особенно актуальны, поскольку лексика эпоса отражает свою, фольклорную, реальность, свой мир, не совпадающий с обычной действительностью, эпическую картину мира, эпическую ситуацию, отличающуюся от денотативной ситуации [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; Омакаева 1997б, в].

Первое лингвистическое исследование по калмыцкому эпосу выполнено Б. Х. Тодаевой на материале цикла Ээлян Овла в ее известном труде «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» [1976], где самым ценным является словарь [Дарваев 2003: 212], который пока остается единственным в калмыковедении лексикографическим трудом, отражающим лексическое богатство калмыцкой версии Джангариады. О лексиконе синьцзянской версии можно судить по «Словарю языка ойратов Синьцзяна» [Тодаева 2001].

Книга Г. Ц. Пюрбеева «Эпос «Джангар: культура и язык» (1993) и ряд статей Э. У. Омакаевой [Омакаева 2009; 2013], А. А. Бурыкина [Бурыкин 2004] и др., посвященных проблемам эпической картины мира, знаменуют собой новое направление в изучении лексики эпоса — этнолингвистическое, в рамках которого весьма перспективным представляется создание этнолингвистического словаря на основе калмыцкой эпической традиции в общемонгольской перспективе на фоне других фольклорных жанров, направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

В эпическом тексте, традиционно вызывающем интерес и скаитителей, и ученых [Омакаева 1997а; Омакаева, Манджиева 2003 и др.], имеется значительное количество слов иноязычного происхождения, заимствованных из санскрита, тибетского, тюркских, персидского, китайского, арабского и других восточных языков, проникновение которых обусловлено разными причинами, прежде всего языковыми контактами с народами определенного региона (в нашем случае — центральноазиатского).

Значительную часть иноязычной лексики языка эпоса составляют санскритизмы и тибетизмы, появление которых в монгольских языках, в том числе и в калмыцком языке, объяснимо религиозными и культурными контактами с восточными народами, исповедовавшими буддизм. Именно они продолжают привлекать особое внимание в связи с «возвращением» в активный лексический фонд калмыцкого языка слов санскритского и тибетского происхождения, которые по ряду причин в словарях калмыцкого языка советской эпохи идут с пометой *устар.* или даже вообще отсутствуют.

Заимствованная лексика из восточных языков (тюркизмы, санскритизмы, тибетизмы, китаизмы, иранизмы, арабизмы и др.) недостаточно исследована в калмыцком языкознании. В своих работах ее рассматривали Ц.-Д. Номинханов [1967], В. О. Поляев [1980], Э. Ч. Бардаев [1983; 1985], Г.Ц. Пюрбеев [1993], В.И. Рассадин [1983], С. С. Харьковова [1983], Н. Б. Бадгаев [2002; 2006; 2008; 2011] и др., но, к сожалению, пока нет монографических работ. До сих пор остаются открытыми вопросы, касающиеся критериев заимствования, условий вхождения иноязычной лексики в принимающий язык, типов классификации заимствований и т. д.

Нами сделана попытка выявить этот интересный пласт лексики в эпическом повествовании. По своему составу эпический лексикон представляет собой сложную систему, состоящую из классов или групп слов, различающихся по значению и происхождению, стилистической окрашенности и сфере употребления. Большой блок составляют заимствования из санскрита и тибетского языка.

Причем необходимо отметить, что санскритские слова, как и греческие, попали в ойратский язык через посредство другого языка (уйгурского, тибетского), а тибетские слова, как и русские, заимствовались непосредственно. «Например: греческое слово *ноомос* через согдийский язык попало в уйгурский, а затем в ойратский в форме *ном*. Другой пример: дифтэра — персидский язык (дафтаар), тибетский язык (дэб-тхэр), ойратский/калмыцкий (девтр–дегтр)» [Омакаева 2010: 386–387].

В современном калмыцком языке такие санскритизмы, как *шүлг* (шлока), *аршан*, *авъяс*, *махмуд*, *буйн*, *зандн*, *килнц*, *шажн*, настолько прижились, что обычному человеку кажутся не заимствованными, а «родными» словами.

«Конечно, пройдя такой путь, слово претерпевает изменения в своем произношении, с другой стороны, особенностью письменного ойратского языка того времени является то, что слова иностранного происхождения, в частности, тибетизмы и санскритизмы, на письме отображались в своем исконном виде, например: *блама*, *рашиян*, *рилбу*. Но поскольку такое написание не соответствовало фонетическим законам калмыцкого языка, в дальнейшем эти слова стали писать в соответствии с их произношением. Так, в калмыцком языке мы имеем такие слова, как *лам*, *аршан*, *ирл* и т. д.» [Омакаева 2010: 387].

Проникновение санскритизмов и тибетизмов в ойратский язык XVII в. связано с распространением тибетского буддизма. Поэтому большая часть заимствованной из этих языков лексики — это в тематическом отношении философские и буддийские термины, имена собственные, имеющие, как правило, религиозную семантику.

Приведем тибетские заимствования: *бум* (тиб. *бум*) ‘сто тысяч’, *гелң* (тиб. *дгэ-слонг*) ‘буддийский монах, принявший 253 обета’, *гецл* (тиб. *дгэ-цхул*) ‘буддийский монах, давший клятву верности трем драгоценностям и принявший 36 обетов’, *ханз* (тиб. *ганг-зан*) ‘курительная трубка’, *домб* (тиб. *донг-мо*) ‘сосуд’, *дуң* (тиб. *дунг*) ‘белая морская раковина’, *жува* (тиб. *бубе-ба*) ‘десять миллионов’, *йиртмжэ* (тиб. *джиртен*) ‘природа, мир,

вселенная', *лама* (тиб. *бла-ма*) 'высокий сан духовного лица', *манжэ* (тиб. *ман-ча* 'чай для лам') 'ученик веры', *сай* (тиб. *са-йа*) 'миллион', *тиг* (тиб. *тиг*) 'несметное количество (где-то свыше тысяча биллионов)', *хадг* (тиб. *кха-бТагс*) 'дарственный шарф', *шил* (тиб. *шел*) 'стекло', *шур* (тиб. *бий-ру*) 'коралл'. В тематическом отношении, конечно, это прежде всего буддийская лексика (наименования священнослужителей, ритуальных предметов и т.д.), но есть также нумеративы: *бум* (тиб. *бум*) – сто тысяч; *жува* (тиб. *буе-ба*) – десять миллионов.

Санскритизмы: *эс* (санскр. *адхистхита, адхистхана*) 'благословение', *агчм* (санскр. *киана* 'секунда') 'миг, мгновение', *аршан* (санскр. *рашаяна*) 'божественный напиток, нектар', *бадм* (санскр. *падма*) 'лотос', *буйн* (санскр. *пунья*) 'добродетель', *халв* (санскр. *калпа* — период мироздания) 'эра, века', *хард шовун* (санскр. *Гаруда* — владыка птиц; олицетворение света в древнеиндийской мифологии и эпосе) 'орел; мифическая царь-птица', *жиндмн* (*чиндмн*) (санскр. *чинта-мани*) 'мифический, драгоценный камень, исполняющий желания и олицетворение у монголов солнца', *замбтив* (санскр. *джамбудвипа* — древнее название Индии) 'вселенная, континент, мир', *зандн* (санскр. *сандана*) 'санда, чистый', *маань* (санскр. *мани* 'драгоценность') 'сакральный звук, род буддийского заклинания', *рагини*= *дагини* (санскр. *дакани*) 'небесная дева, фея', *сидтэ* (санскр. *сиддхи*) 'сверхъестественное могущество, магическая сила, волшебство', *Сумр уул* 'мифическая гора Сумеру, на вершине которой обитают тенгрии', *там* (санскр. *тамас*) 'ад', *кид* (санскр. *кхета*) 'монастырь, скит', *шажн* (санскр. *шасана*) 'учение, вера', *эрднь* (санскр. *ратна*) 'драгоценность', *ягц* (шулм) (санскр. *якши*) 'ведьма, женщина-демон'.

Эпические лексические заимствования неоднородны по времени появления. Одни из них являются ранними, относящимися к периоду пра- и общемонгольского языкового единства, развития западномонгольского, т. е. ойратского, языка, другие — более поздними (они пополнили уже собственно калмыцкую лексику). Многие слова и термины, обозначающие буддийские понятия, заимствовались из разных источников в разное время.

Интересной представляется история проникновения в калмыцкий язык санскритского слова *ваджра* ‘скипетр’. Первый раз оно попало в монгольские языки в форме *очр* через уйгурский язык в доюаньскую эпоху, когда буддийские тексты читались на уйгурском. Когда ойраты приняли тибетский буддизм, то в ойратском языке появилось 2 новых слова с одним значением ‘ваджра’, которые функционировали как имена собственные: санскритизм *Базр* и тибетизм *Дорж*. Так одно и то же слово попало в калмыцкий язык двумя разными путями в разные исторические периоды, в разной форме и с разными функциями.

Очр в современном калмыцком языке выступает и как имя собственное, и как имя нарицательное. Слово *Базр* встречается только как имя собственное. Поэтому возможны оба варианта теонимов (имен божеств Ваджрадара и Ваджрапани): 1) Очрдэр и Базрдэр; 2) Очрваань и Базрваань» [Омакаева 2010: 387]. Тибетское же слово *Дорж* активно функционирует как антропоним, встречаясь и самостоятельно как личное имя, так и в составе фамилий (например, *Дорджиев*).

Наиболее часто в эпосе встречаются имена существительные в фонетически освоенном виде, из других частей речи отметим числительные.

Интересными в плане изучения эпической лексики представляются заимствования из тюркских языков [Владимирцов 1911]. Тюркизмы в эпосе неоднородны.

Можно выделить тюркские лексические элементы двух типов: 1) общемонгольского характера: *зэңг* (кирг. *жаңы*, каз. *жаңа* ‘новый, свежий, обновленный’) ‘весть, известие’; *тагт* (тюрк., перс. *тахте* ‘доска, щит, фанера’) ‘мост’; 2) собственно калмыцкие тюркизмы: *азд* (ногайск. *азда* ‘мифический дракон’) ‘буян; дебошир, хулиган’, *алднд* (ср. тюрк. алдында ‘перед, впереди; прежде, раньше; около’) ‘почти; около; как раз в тот момент; перед (этим, тем), вблизи (этого, того)’, *алң* (ср. тюрк. *алаң* ‘рассеянный’) ‘удивление, изумление; удивительный, изумительный’, *аю* (ср. тюрк. *аю* ‘медведь’) ‘медведь’, *барг* (ср. др. тюрк. *барах* ‘охотничья собака с лохматой и длинной шерстью’) ‘стороже-

вой пес; дворняжка’, *бишмуд* (татар. *бишимит*, узбек. *бешимет*) ‘платье’, *булмг* (ср. тюрк. *буламык* ‘мучная похлебка’) ‘булмак, саламата’ (национальное кушанье калмыков — мука, смешанная с маслом, салом), *кишлг* (казах. *койлек* ‘рубашка, сорочка; женское платье’) ‘рубаша, рубашка, сорочка’, *кичг* (ср. тюрк. *кичик* ‘маленький, небольшой’, татар. *көчек* ‘щенок’) ‘щенок (собаки, волчицы, лисы)’, *көвцг* (ср. др. тюрк. *көрчк* ‘передняя и задняя подушка седла’) ‘седельная подушка’, *терз* (ср. тюрк. *тэрээз* ‘окно’) ‘окно, окошко’, *терм* (ср. киргиз., каз. *терме* ‘сборный’) ‘стенная решетка кибитки, клетчатый’, *тоһи* (каз. *тохаиш* ‘сушка, крендель, баранка’, киргиз. *токоч* ‘хлеб в виде лепешки, тонкая сдобная лепешка’) ‘крендель, круглый’, *шитм* (ног. *шетен* ‘плетень, изгородь’) ‘изгородь, плетень, овечий загон’, *яңһг* (уйг. *яңақ* «орех», каз. *жаңғақ* ‘орех’) ‘орех’.

Поскольку в определенный исторический период ойраты слушали буддийские проповеди на уйгурском, в калмыцком языке много терминов уйгурского происхождения. Их семантика разнообразна. Можно выделить следующие тематические группы:

- 1) теонимы (названия божеств): *Эрлг хан*, *Хурмст* (иранский Ахурамазда);
- 2) демонимы (названия злых духов, чудовищ и др.): *маһһс*;
- 3) номинации ритуальных предметов: *суврһн*, *титм*, *очр*;
- 4) наименования священнослужителей: *хуврг*;
- 5) номинации философских, психологических, этических, литературных понятий (*билг*, *шалтг*, *бөлг*).

Если до XVII в. в основном использовались уйгурские и санскритские слова, то в XVII в. благодаря переводам Зая-пандиты в ойратский язык хлынули тибетские термины, порой вытесняя прежние — санскритские.

В лексической структуре эпоса большая роль отводится и заимствованиям из китайского, арабского [Владимирцов 1930] и персидского языков.

Наиболее благоприятным периодом для китайских заимствований являлось время правления монгольских ханов от Хубилая до Тогон-Тэмур (1260–1368), так называемый «юаньский пе-

риод». В монгольских языках китаизмы давно прошли процесс адаптации и перестали восприниматься как иноязычная лексика [Хазуев 1978]. В эпическом тексте выделены следующие слова: *бу* (кит. *пао* «пушка») ‘ружье’, *зуух* (кит. *цао-хо* ‘железная печка’) ‘яма для разведения огня; глинобитный очаг’, *лу* ‘дракон’, *лан* (кит. *лян*) ‘мера веса, равная 37, 301г.’, *нойн* (кит. *лао-йе* ‘господин’) ‘нойон, князь’, *цэ* (кит. *чха*) ‘чай’, *шаазн* (кит. *ча-чжун*) ‘чайная пиала’.

Э. Ч. Бардаев, анализируя слова арабско-персидского происхождения в эпосе «Джангар», пишет: «Как известно, в прошлом монголам очень редко приходилось иметь непосредственное отношение с арабским миром. Отсюда следует, что ряд арабских и персидских лексических элементов могли попасть в «Джангар» в основном через тюркоязычную среду...» [Бардаев 1980: 392].

В эпосе встречаются следующие арабизмы: *алмс* (араб. *алмас*) ‘ведьма’, *эрк* (араб. *араг* ‘испарина, испарение’) «кумысная водка», *ханжал* (араб. *ханжар*) ‘кинжал’.

Как отмечал в свое время академик Б. Я. Владимирцов, посредником при передаче монголам персидских слов был язык тибетский. В эпическом повествовании выявлены следующие заимствования из персидского: *арслнз* ‘лев’, *барс* ‘тигр’, *болд* ‘сталь’, *болр* ‘хрусталь, горный хрусталь’, *дэр* ‘порох’, *кевс* ‘ковер’, *тоһстн* ‘павлин’, *тоь* ‘попугай’, *хала* ‘жесть, жестяной’, *шалвр* ‘шаровары или штаны’, *шатр* ‘шахматы’, *шикр* ‘сладости’.

Изучение иноязычного пространства языка эпоса «Джангар» выявило широту и разнообразие входящих в него единиц и вместе с тем их неравномерную изученность, что объясняется, прежде всего, теоретической неразработанностью ряда вопросов, связанных с изучением заимствований.

Иноязычные слова в фольклорном тексте, хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но, тем не менее, не превышают определенного предела всего его словарного состава.

Важно подчеркнуть, что заимствованные слова, выявленные в тексте эпоса с учетом выполняемых функций в фольклорном дискурсе, представляют собой номинации, не имеющие аналогов

в заимствующем их языке. На примере калмыцкого языка мы убедились, что освоение иноязычной лексики в принимающем языке проходит в несколько этапов. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как чуждые вкрапления для данного языка; на втором они расцениваются как более-менее приемлемые, но все же инородные слова, и, наконец, на последнем этапе это уже полностью освоенные слова, поэтому их инородность на первый взгляд не всегда видна.

Выявленные в эпосе заимствования свидетельствуют о древних историко-культурных связях носителей алтайских языков, в частности праойратов, с другими народами. Очевидны ранние контакты с какими-то иранскими народами.

Таким образом, изучая лексические заимствования в языке эпоса, мы получаем представление и о заимствовании калмыцким народом культурных ценностей от других этносов в силу их культурно-исторических взаимосвязей и влияния. Тематическая классификация заимствований позволяет сделать вывод об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира, о новых сегментах и фрагментах когнитивного опыта, требующего языковой фиксации.

Изложенные выводы носят предварительный характер. Их уточнение, как и создание полной классификации эпических заимствований, — дело будущего, когда будет полностью исследован и лексикографически описан словарный состав эпоса «Джангар».

Перспективы дальнейшего исследования затронутой в данной статье темы связаны с тем, что эпический текст дает возможность рассматривать заимствованные лексические единицы с разных точек зрения, в первую очередь в аспекте исторической лексикологии и современного словоупотребления. Диахронический взгляд на заимствования помогает понять, как формировались и трансформировались те лексические явления, которые характеризуют современное состояние калмыцкого языка, и культурные представления, стоящие «за текстом».

Литература

Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в ойратском письменном языке // Монголоведение. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 15–27.

Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в монгольских языках // IX Междунар. конгресс монголоведов, г. Улан-Батор, 8–12 авг. 2006 г. Улан-Батор, 2006. С. 16.

Бадгаев Н. Б. Фонетические особенности арабско-персидских заимствований в русском и монгольском языках (по материалам словаря Мукаддимат ал-Адаб) // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России: мат-лы Общерос. науч. конф., г. Элиста, 19–20 нояб. 2007 г. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 93–101.

Бадгаев Н. Б. Проблемы системного изучения заимствованной лексики монгольских языков сквозь призму культуры (на материале монгольского глоссария «Мукаддимат ал-адаб») // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл., г. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 495–496.

Бардаев Э. Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголоведные исследования. Элиста, 1983. С. 37–53.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985.

Бурькин А. А. Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. № 3. Элиста, 2004. С. 103–109.

Владимирицов Б. Я. Арабские слова в монгольском // Записки Коллегии востоковедов. Вып. V. Л., 1930. Т. 5. С. 73–82.

Владимирицов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО). Вып. II–III. СПб., 1911. С. 153–184.

Номинханов Ц.-Д. Тибетские и санскритские лексические элементы в калмыцком языке // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 5. Серия филологическая. Элиста, 1967. С. 155–160.

Омакаева Э. У. «Жангар» тууль түлхүүр үгийн толинд: XXI зууны орчуулга, тайлбарын асуудлууд // Төв Азийн тууль. Симпозиум, Наадам-II. Улаанбаатар, 2013. 111–113 х.

Омакаева Э. У. «Джангар» в центре внимания ученых и сказителей // Шамбала. 1997а. № 5–6. С. 40.

Омакаева Э. У. Калмыцкий эпос «Джангар»: язык, религия, картина мира // Шамбала. 1997б. № 5–6. С. 36–38.

Омакаева Э. У. Национальный эпос: язык, религия, картина мира // Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток

– Запад в судьбе народа: докл. и тез. Междунар. симпозиума, г. Улан-Удэ, 24–28 авг. 1997 г. Улан-Удэ, 1997в. С. 30–32.

Омакаева Э. У. Письменная традиция // Калмыки. Том серии «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 382–405.

Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Токуо, 2009. Р. 342–352.

Омакаева Э. У., Манджиева Б. Б. Актуальные проблемы современного джангароведения // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 26–39.

Рассадин В. И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этноческие и историко-культурные связи монгольских народов, Улан-Удэ, 1983. С. 70–89.

Поляев В. О. Тибетские и санскритские лексические элементы в языке эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М: Наука, 1980. С. 344–346.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста, 1993.

Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи / пер. с англ. А. М. Сухотина. М.-Л., 1934. 224 с.

Хазуев Н. А. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 96–107.

Харькова С. С. О некоторых тюркских лексических заимствованиях в калмыцком языке // Монголоведные исследования. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 90–93.